

Новая стратегия «мягкой силы» Китая

О.В. Зиневич, Н.В. Селезнева

Новосибирский государственный технический университет

В фокусе статьи – китайская концепция и стратегия применения «мягкой силы» для создания привлекательного образа страны. В условиях острой борьбы за глобальное и региональное лидерство одним из ключевых инструментов внешней политики Китая стала «мягкая сила», основанная, прежде всего на привлекательности национального языка и культуры. Распространяя свой язык и культурные коды в культурное пространство других стран, Китай стремится укрепить свой позитивный образ. Западный по происхождению концепт «мягкой силы» в Китае был переосмыслен. С опорой на контекстно-ориентированный подход в статье показано, каким образом китайские учёные выстроили специфически китайскую теорию «мягкой силы» культуры (中国文化软实力), которая использовалась во внешней и внутренней политике государства и послужила основой наблюдаемых изменений в стратегии применения «мягкой силы». На основе анализа китайских источников авторы статьи приходят к выводу о том, что в начале XXI в. наращивание «мягкой силы» через создание сети Институтов Конфуция представлялась Китаем как политика взаимного выигрыша на международной арене. После прихода к власти Си Цзиньпина «мягкая сила» культуры в качестве ресурса и инструмента внешнего влияния Китая уходит с фронта политической повестки. Внешнеполитический вектор «мягкой силы» культуры перенаправляется вовнутрь, а культура, которая ещё недавно открыто действовала как драйвер «мягкой силы» во внешней политике, переходит на внутренний трек и вписывается в концепцию «четырёх уверенностей» и «двойной циркуляции», делая акцент на качественной составляющей, при этом сохраняя свою высокую внешнеполитическую значимость для китайского руководства.

Ключевые слова: «мягкая сила», «мягкая сила» культуры, Китай, двойная циркуляция

Стратегии государств по достижению лидерства в глобальном / региональном пространстве осуществляются различными средствами, в том числе с помощью политики «мягкой силы». Стратегии и практики «мягкой силы» получили широкое распространение в западных и незападных странах, а само понятие активно обсуждается на протяжении более 30 лет в политических науках, однако и по сей день остаётся дискуссионным (Юдин 2018). Это

УДК: 327.8, 37.035.4

Поступила в редакцию: 19.05.2022

Принята к публикации: 28.11.2022

связано как с различными идеологическими и методологическими подходами к изучению «мягкой силы», так и со спецификой её концептуализации и применения во внешней политике государств, претендующих на ведущие роли в глобальном управлении.

В идеологическом багаже национальных государств содержатся собственные концепции «мягкой силы», адаптированные к целям внешней и внутренней политики. Так, в современной политике Китая «мягкая сила» занимает одно из значимых мест, являясь частью нарратива о совокупной мощи государств и китайской мечте о великом возрождении китайской нации. Теоретической разработке концепции «мягкой силы» в Китае уделялось самое серьёзное внимание академического и экспертного сообщества. Различные аспекты изучения «мягкой силы» нашли отражение в многочисленных публикациях на китайском языке, суммарное количество которых, по данным CNKI¹, составляет более тридцати восьми тысяч за период с 2003 по 2022 гг. Кейс Китая особенно интересен для изучения, поскольку демонстрирует своеобразие теоретического и экспертного оформления идеологии «мягкой силы» в национальном (незападном) контексте и её значение для реализации глобальных, региональных и национальных внешнеполитических целей.

В условиях обострения международной обстановки, ориентации глобальных игроков на применение методов принуждения (*жёсткой силы*), правомерно высказать сомнение в актуальности изучения этой формы силового взаимодействия. Эскалация жёстких методов вызывает ряд вопросов, среди которых главным является вопрос о существовании «мягкой силы» как самостоятельного явления, понимание которого не исчерпывается лишь указанием на отсутствие жёстких методов влияния. Ещё более дискуссионной становится проблема демаркации жёсткой и «мягкой» сил: является ли «мягкая сила» вариантом силы жёсткой, или «мягкая сила» имеет собственную качественную определённость и не может быть редуцирована к другим формам силовой внешней политики? Кроме того, не менее значим вопрос о двойных стандартах Запада, когда представители неолиберальных кругов признают наличие «мягкой силы» только у «демократических» стран и не признают «мягкую» силу так называемых «авторитарных» стран, применяя для них отдельный термин – «острая сила» (Кузнецов 2021: 160). В этом контексте важно обсудить, является ли «мягкая сила» преимущественно заметным внешнеполитическим трендом или государство как источник «мягкой силы» делает ставку на опосредованное влияние – транслирует политические и идеологические установки по различным культурным и образовательным каналам.

¹ CNKI: soft power of culture. CNKI: 文化软实力. URL: <https://kns.cnki.net/kns8/defaultresult/index> (accessed 10.12.2022) (In Chinese).

Понятие «*мягкая сила*» было введено в научный и политический дискурс Дж. Наем, который предложил рассматривать «*мягкую силу*» как силу убеждения, сотрудничества, привлекательности для достижения желаемых целей в противовес жёсткой силе принуждения и давления (Най 2013). Термин получил множество различных интерпретаций в мировой и отечественной науке, но консенсус по вопросу о его специфике так и не был достигнут. В России под мягкой силой часто понимается отсутствие «жёстких» (военных) методов воздействия, что приводит к отождествлению «мягкой силы» с экономическим и политическим принуждением, пропагандой и редуцированию «мягкой» силы к жёсткой (Лебедева 2017). Вслед за М.В. Харкевичем отметим, что понятия «мягкой» и жёсткой силы не могут быть абсолютными противоположностями, но вместе с тем «мягкую силу» необходимо выделять и изучать как «новую форму власти в мировой политике» (Харкевич 2014).

В отечественных исследованиях достаточно широко представлена концепция «мягкой силы», центрированная на значении культуры и образования как её ресурса и инструмента. Разработкой этого вопроса занимаются М.М. Лебедева, Е.П. Панова, А.В. Торкунов, А.В. Шестопал и М.В. Силантьева, Е.А. Антюхова, И.Д. Тузовский и др. Приоритет культуры как ресурса «мягкой силы» неоднократно подчёркивался самим автором этой идеи. «“Мягкая сила” во многом опирается на три основных ресурса: культуру (там, где он нравится другим), политические ценности (когда есть соответствие им внутри страны и за рубежом) и её внешнюю политику (когда другие считают её законной и имеющий моральный авторитет)» (Нье 2012: 153). В этой триаде культура является ключевым ресурсом, который придаёт смысл двум другим – политическим ценностям и внешней политике, усиливая привлекательность последних за счёт лояльного отношения к культуре страны-субъекта влияния. «Ресурсное» определение «мягкой силы» культуры не противоречит возможности представлять культуру не только как ресурс (потенциал), но и как политический инструмент влияния через различные формы культурной экспансии. В качестве инструмента «мягкой силы» рассматривается целенаправленное, поддерживаемое государством распространение культуры на территории другого государства (обучение языку, проведение кинофестивалей, выставок, издательская деятельность и др.). Эти действия направлены на то, чтобы охватить как можно большее число людей в других странах и сделать свою культуру и свою страну привлекательной для жителей всей планеты.

Среди отечественных исследователей серьёзное внимание «мягкой силе» Китая уделено в работах О.Н. Борох, Т.Н. Кучинской, А.В. Ломанова, С.В. Михневича, Е.И. Сафроновой, К.А. Тарабарко, М.Л. Титаренко и др. Обосновывается культуроцентричность китайской концепции «мягкой силы» в противовес приоритету политической ориентации в американской концепции (Борох, Ломанов 2012). Акцентируется значение культурно-цивилизационного подхода к изучению «мягкой силы» в китайских исследованиях (Журавлева 2016: 22).

Исследователи также отмечают высокую степень инкорпорированности ценностей традиционной культуры в современные концепции развития КНР, что находит отражение в трактовке «мягкой силы» (Тарабарко 2016).

В китайской научной среде доминирует культуросцентричное понимание «мягкой силы», выкристаллизовавшееся в термине «*мягкая сила культуры Китая*» (中国文化软实力). Упомянем лишь некоторых китайских авторов, которые в своих работах рассматривали проблематику «мягкой силы культуры»: Ван Хунин, Лю Цзайци, У Гуйхань, Ян Шэнпин, Чжан Гоцзо, Е Цзычэн, Сюн Лэпин, У Миньянь, Сюй Юаньсяо, Сюй Фансюн, Чжан Шуанси и многие другие. Несмотря на большое количество публикаций о «мягкой силе», остаётся открытым вопрос об инклюзивности содержания этой концепции, о тех трансформациях, которые претерпевает концепция «мягкой силы», а вместе с ней и практики её использования Китаем.

Цель исследования, поставленная авторами статьи, заключается в том, чтобы проследить развитие концепции «мягкой силы», обозначить тенденции пересмотра её ресурсов и инструментов в соответствии с новыми задачами внешней и внутренней политики государства. Обосновывается гипотеза о том, что наблюдаемое снижение значения нарратива «мягкой силы», реформирование и деполитизация Институтов Конфуция, а также продвижение концепций «четырёх уверенностей» и «двойной циркуляции» свидетельствуют о переформатировании подходов к использованию «мягкой силы» как «выигрышной стратегии» на международной арене, но не об отказе от её применения.

В статье используется определение «мягкой силы», предложенное Н.В. Юдиным: «“мягкая сила” – это особая форма взаимодействия, отличительной чертой которой становится направленность на достижение долгосрочных стратегических целей путём косвенного, неявного воздействия на объект» (Юдин 2015: 101). В отличие от «мягкой силы», жёсткая сила направлена на решение кратко- и среднесрочных тактических задач путём прямого («силового») воздействия на объект. Авторы статьи считают уместным использование контекстно-ориентированного подхода, согласно которому «мягкая сила» не является атрибутом (неотъемлемым свойством) государства или иных субъектов, «а возникает только в процессе конкретного взаимодействия и только его и характеризует» (Юдин 2015: 101). Контекстно-ориентированный подход применим к анализу использования ресурсного потенциала для осуществления внешнеполитических целей мягкими средствами. На наш взгляд, подход, учитывающий политику наращивания внутренних ресурсов для внешнеполитических целей, является релевантным для исследования наблюдаемых изменений в применении Китаем «мягкой силы». Не менее важной методологической установкой, позволяющей объяснить происходящие изменения в концепции и практиках применения «мягкой силы» Китаем, является разработанная С. Льюксом теория о трёх лицах (ликах) власти (Льюкс 2010), которая используется Н.В. Юдиным для уточнения понятия «мягкая сила». «Мягкую силу» нельзя свести к явным, рационально обоснованным и

конфликтующим отношениям субъекта и реципиента власти, а также игнорировать не всегда осознанные мотивы и модели поведения, влияющие на реализацию интересов субъекта силового воздействия. Речь идёт «о способности субъекта силового взаимодействия заставить объект желать того же, что и он сам» (Юдин 2015: 90). Так, Китай отказывается от применения очевидно политизированных инструментов влияния (в частности, это касается Институтов Конфуция, которые считались в Китае главным инструментом «мягкой силы») и прибегает к иным способам распространения знаний о Китае, китайской культуре и языке, способствующих тому, чтобы как можно больше людей полюбили Китай и китайскую культуру, усилив тем самым привлекательность самой страны.

Китайская концепция «мягкой силы культуры»

Китайские учёные проводят последовательное отмежевание концепции «мягкой силы» Китая от первоначальной концепции, предложенной Дж. Наем, и отмечают, что последняя получила развитие в период расцвета американского унилатерализма и была создана для того, чтобы опрокинуть теорию «упадка Америки». Китайская концепция «мягкой силы», хоть и была сформирована под влиянием американской, имела иной бэкграунд, который был связан с повышением роли культуры в социалистическом строительстве (Shu 2017: 33). Рассуждая о заимствовании концепций и терминов, главный редактор издательства Столичного педагогического университета (Пекин) Ян Шэнпин говорит, что необходимо понимать смыслы и содержание того дискурса, который породил эти концепции и термины, в особенности в гуманитарной и политологической областях. Кроме того, нужно учитывать разницу их интерпретации в различных языках и культурах. Ян Шэнпин также делает акцент на том, что концепцию «мягкой силы» необходимо переосмыслить с позиций марксизма (Yang 2012: 23). Профессор партийной школы ЦК КПК Дэн Сяньчао в своём труде отмечает, что Китаю удалось избежать слепого следования и повторения теории Дж. Наея о «мягкой силе» – в китайском дискурсе концепция «мягкой силы» трансформировалась под воздействием местных условий и явилась результатом интеграции понимания «мягкой силы» в международных отношениях, китайской политической обстановки и культурных практик, сформировав тем самым в китайском дискурсе понятие «мягкая сила культуры Китая» (Deng 2015: 41).

Китайские эксперты, противопоставляя китайскую концепцию «мягкой силы культуры» концепции Дж. Наея, уделяют основное внимание собственно культурному строительству, которое является одной из составляющих совокупной мощи государства и международной конкурентоспособности². Существен-

² Interpretation of the report of the 17th National Congress of the Communist Party of China to improve the soft power of national culture [党的十七大的报告解读提高国家文化软实力]. 2007. *The Central People's Government of Republic of China*. 28 December. URL: http://www.gov.cn/jrzq/2007-12/28/content_845741.htm (accessed 10.12.2022) (In Chinese).

ные расхождения с концепцией Дж. Ная китайские исследователи видят в вопросе ценностей, отмечая, что вопрос ценностей – это по сути вопрос культуры и идеологии. Поскольку США и Китай стоят на разных культурных и идеологических позициях, то вопрос базовых ценностей всегда будет тем, что отличает китайский и американский подходы к «мягкой силе»³.

С китайской идеологической точки зрения концепция «мягкой силы» Дж. Ная является продолжением и развитием идеологии холодной войны, а её целью является завоевание всемирного господства через проникновение в другие страны культуры, ценностей, внешней политики и других ресурсов «мягкой силы» (Deng 2015: 41). Провозглашаемая цель наращивания «мягкой силы» Китая совсем иная. С момента начала проведения политики реформ и открытости Китай постепенно движется в направлении «мирного возвышения», обещая при этом никогда не претендовать на гегемонию. Именно поэтому в идеологии Китая наращивание «мягкой силы» не может нанести вред другим странам, а может быть использовано для взаимного выигрыша. Китай принимает на себя роль ответственного государства и именно с этой позиции участвует в международных делах, активно рассказывает другим странам о выдающихся продуктах культуры, культурных символах, ценностях и не имеет намерений через идеологию достичь гегемонии, а наоборот, надеется, что через культуру лучше узнают Китай, примут Китай, полюбят Китай, что Китай сможет лучше и активнее проявлять себя на международной арене, сможет внести ещё больший вклад в дело мира, процветания и гармонии.

После обнародования концепции «мягкой силы» Дж. Ная китайские исследователи, как и их зарубежные коллеги, отмечали, что Дж. Най, обрисовав концепцию в целом, не уделил внимания детальной проработке отдельных моментов. Так, Ян Шэнпин полагает, что Дж. Най, выдвигая концепцию «мягкой силы», исходил из того, что американские ценности являются всеобщими ценностями, он не подвергал их сомнению. При этом исследователь отмечает, что американские ценности уже выкристаллизовались, являются ясными и понятными и не требуют повторного привития народным массам внутри страны. В то время как в Китае этого ещё не произошло, поскольку Китай находится в переходном периоде социализма и ему ещё необходимо проводить интенсивную работу по собиранию и выплавке своих ядерных ценностей, которые использовались бы для сплочения населения (Yang 2012).

Чжан Гоцзо, директор научно-исследовательского центра изучения «мягкой силы культуры» Китая, отмечал, что размытость понятия *soft power* привела к тому, что после распространения концепции в Китае, существовало несколько

³ Wang Xinyan. 2019. Socialist Core Values and the Construction of Contemporary Chinese Cultural Soft Power [社会主义核心价值观与当代中国软实力建设] *Xinmin wanbao*. 3 April. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1627065953496949349&wfr=spider&for=pc> (accessed 10.12.2022) (In Chinese).

вариантов перевода и только после доклада на 17-м съезде КПК формулировка «мягкая сила культуры» (文化软实力) вошла в китайский политический нарратив в статусе «важной составной части совокупной мощи государства»⁴. Аналогичных позиций придерживаются и другие китайские идеологи «мягкой силы». Е Цзычэн, декан Факультета международных отношений Пекинского университета, отмечает, что «мягкая сила» в подаче Дж. Ная является политическим понятием, а не научным термином в строгом смысле, поэтому сохраняется терминологическая неопределённость, размытость понятий, неточность формулировок в таких вопросах как разграничение жёсткой и «мягкой силы», содержания понятия «мягкой силы», характеристике её ресурсов и т.д.⁵.

Среди прочего Е Цзычэн отмечает, что концепция Ная не даёт ясных ответов на следующие вопросы: 1) ресурсность «мягкой силы» – это исключительно ресурсы самой «мягкой силы» или же и жёсткой силы тоже? 2) если подкуп – это жёсткая сила, а притягательность – «мягкая», то в чем разница между первым и вторым, чем в таком случае считать помощь? 3) есть ли этические и нормативные границы у «мягкой силы»? 4) какая популярная культура способна породить «мягкую силу»? 5) на кого направлено влияние «мягкой силы»? 6) «мягкая сила» – это международная политика или внутренняя политика? 7) цели «мягкой силы» – это, в конечном итоге, цели государства или личности, внешние или внутренние? 8) «мягкая сила» сознательна или бессознательна?»⁶.

Ян Шэнпин также пишет, что в концепции Дж. Ная наблюдается нечёткость в разграничении «мягкой» и жёсткой силы. Несмотря на то, что «мягкая сила» может быть опосредовано или непосредственно связана с жесткой силой, в концепции Ная «мягкая сила» не имеет непосредственных связей с жесткой силой, поскольку сферой её применения являются международные отношения. В Китае же несколько иная ситуация. По мнению исследователя, «мягкая сила» в Китае должна быть трансформирована внутри страны в силы национальной экономики, политики и культуры (Yang 2012: 22).

Сочетание слов «культура» и «мягкая сила» и образование на их основе сочетания «мягкая сила культуры», по мнению китайских исследователей, является показателем высокого места и особого значения культуры в вопросах идеологии, ценностей и государственного устройства, а также имеет ключевое значение в усилении дискурсивности (права голоса) Китая (Zhang 2015). Кроме того, трансформация концепции «мягкой силы» в «мягкую силу культуры» на китайской почве изменила и цели изучения данного феномена.

⁴ Zhang Guozuo. 2014. Talk about the development of "soft power" in China [谈谈“软实力”在中国的发展] *Renmin ribao: Theory*. 6 June. URL: <http://theory.people.com.cn/n/2014/0605/c168825-25109895.html> (accessed 10.12.2022) (In Chinese).

⁵ Ye Zicheng. 2015. From "Soft Power" to "Soft Power": An Analysis of Joseph Nye's Soft Power Theory. 从“软实力”到“软实力”: 约瑟夫·奈软实力理论评析. URL: <http://opinion.hexun.com/2015-12-17/181243370.html> (accessed 10.12.2022) (In Chinese).

⁶ Там же.

Говоря о взаимосвязях культуры и мягкой силы, китайские исследователи придерживаются следующих позиций. Во-первых, одни исследователи считают, что культура по своей природе и есть «мягкая сила» (Wang 1993: 78). Во-вторых, под воздействием идей Дж. Ная часть китайских исследователей полагают, что культура – это один из важнейших источников «мягкой силы»: «“мягкая сила” – это сила культурных факторов, способных проявить внутри страны консолидирующие, мобилизующие и духовные силы и сформировать в международном сообществе силу проникновения, притягательности и убеждения» (Wei, Zhang 2009: 10-12). Третьи стоят на позициях, что «мягкую силу культуры» необходимо рассматривать как сумму «силы культуры» и «мягкой силы» (Jia 2011: 45-46). Чжан Гоцзо прямо говорит, что культура является ядром «мягкой силы», культура занимает неотъемлемое и особое место в «мягкой силе», являясь её душой и ключевой координатой (Zhang 2015: 60). Чжан Шуанси понимает под мягкой силой культуры «проявленные сплочённость, привлекательность и влияние культуры» (Zhang 2021: 30), а Сюй Юаньсяо и Сюй Фансюн, считают, что «мягкая сила культуры» – это «несиловое влияние страны на другие страны» (Xu, Xu 2021: 9). Другие же эксперты считают, что «мягкая сила культуры» является одной из разновидностей силы культуры и проявляется в «притягательности, влиятельности и привлекательности культуры какой-либо страны» (Luo 2009: 79).

Как отмечают И Сяомин и Хэ Лигуан, в большинстве определений «мягкой силы культуры» акцент сделан на том, как культура проявляется вовне, что, по сути, является лишь результатом проявления внутренней силы культуры, но ничего не говорит о внутренних причинах, почему эта сила стала проявляться вовне и о качестве этой силы. Между тем, говоря о «мягкой силе культуры», должно уделять внимание не только её внешней привлекательности, но в ещё большей степени акцентироваться на её внутренней структуре и функциях культуры, потому как именно внутренняя составляющая, по мнению авторов, является причиной внешней привлекательности (Yi, He 2020). Внутренний вектор применения «мягкой силы культуры» интерпретируется китайскими авторами как внутренняя сплочённость культуры, как накопление и аккумуляция выдающихся достижений культуры страны и в то же время привлечение выдающихся достижений других культур и создание на их основе такой сплочённости и коллективизма, которые бы соответствовали времени (Liu 2009: 191; Nan 2014: 49 и др.). И Сяомин и Хэ Лигуан считают, что, говоря о мерах, направленных на усиление «мягкой силы культуры», необходимо произвести «исправление имён», избавиться от перекоса в сторону того, что основной исследовательский акцент направлен на изучение проявления «мягкой силы культуры» вовне. Необходимо сосредоточиться на внутренней составляющей «мягкой силы культуры», на её качествах и структуре. «Говоря о “мягкой силе культуры”, мы должны всегда иметь в виду, что необходимо говорить о форме и содержании силы культуры (文化力). “Мягкая сила культуры” – это единство

внутренней силы и силы, проявленной вовне. «Мягкая сила культуры», базирующаяся на внутренней структуре и функциях культуры, а проявляется в способности к сплочению, привлекательности и влиятельности» (Yi, He 2020). Такой разворот к внутреннему содержанию «мягкой силы культуры» был отнюдь не случаен. Развитие внутреннего вектора можно напрямую связать с тем, что Китай обратил свой взгляд на себя, на повышение качества своего внутреннего потенциала – на один из способов нивелирования своей чрезмерной зависимости от внешних факторов. Это вылилось в такую концепцию развития страны, как «двойная циркуляция» (双循环), поставившая задачу перейти на самообеспечение основных потребностей государства.

В то же время нельзя сказать, что Китай полностью переориентировал свою политику с внешнего вектора на внутренний. И.Е. Денисов справедливо отмечает, что «зависимость Китая от внешних условий очевидна. Однако внутренняя нестабильность не может компенсироваться никакими дипломатическими успехами и самой благоприятной внешней средой, и в этом смысле в Китае мало что изменилось со времён Дэн Сяопина» (Денисов 2017: 87). Данное утверждение правомерно не только относительно итогов первого срока председательства Си Цзиньпина, но и относительно второго срока его нахождения у власти. Стабильная внутривнутриполитическая обстановка в приоритете у китайского руководства, именно поэтому потенциал «мягкой силы» начинает применяться во внутривнутриполитической повестке Китая с целью усиления сплочённости народа, создания национальных культурных скреп и повышения уверенности в своих силах.

«Мягкая сила» и стратегия «двойной циркуляции»

За прошедшие десятилетия китайскими политиками, экспертами и учёными был создан политический, идеологический и научный символический тезаурус, описывающий «мягкую силу» Китая как «мягкую силу культуры».

Вокруг концепции «мягкой силы культуры» в Китае сформировалось отдельное научное направление, которое получает институциональное оформление в виде научных и мозговых центров по изучению «мягкой силы культуры». Так, в 2009 г. на базе Хунаньского университета состоялось открытие первого и на то время единственного научно-исследовательского центра, занимающегося проблемами «мягкой силы» Китая (кит. 中国文化软实力研究中心), в 2012 г. состоялась церемония открытия Гуандунского института исследования «мягкой силы» (кит. 广东南方软实力研究院). В 2013 г. на базе Уханьского университета был создан Государственный инновационный центр совместных исследований «мягкой силы» культуры (кит. 国家文化软实力协同创新中心), в 2014 г. при Пекинском университете, на базе Института международных отношений, был основан Государственный центр исследований «мягкой силы культуры» (кит. 国家文化软实力研究中心). В 2016 г. в Хунаньском университете начинает из-

даваться периодический журнал «Мягкая сила культуры»⁷, который курируется непосредственно министерством образования КНР. Изучение вопросов, касающихся «мягкой силы», стало своеобразным научным трендом в Китае, о чем свидетельствует кратное увеличение количества публикаций (Рис. 1).

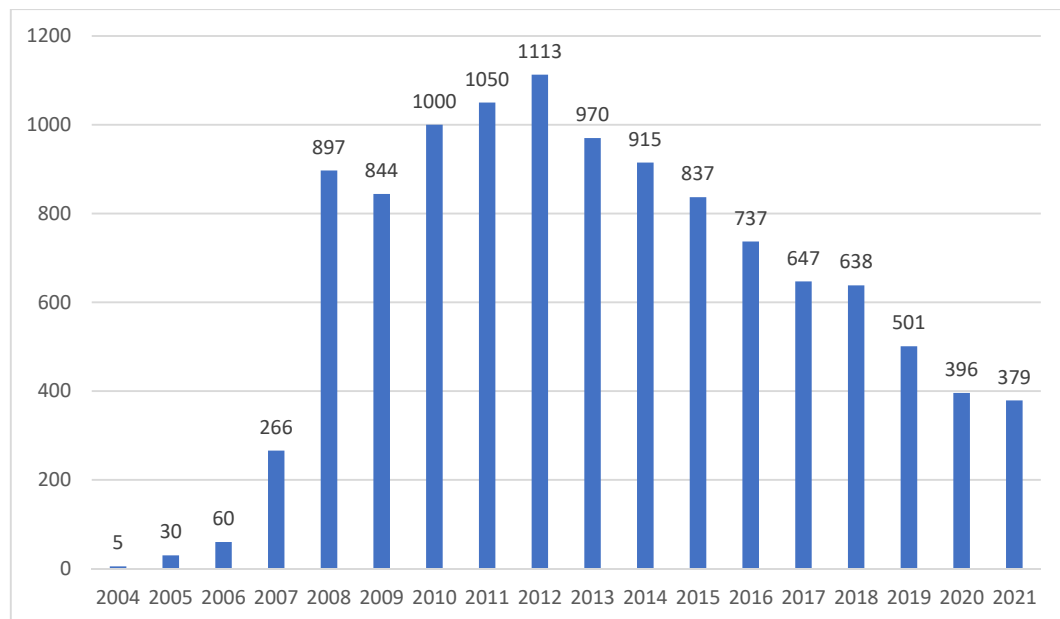

Рис. 1. Количество публикаций по ключевому слову «мягкая сила культуры» (文化软实力) в китайской научной сети CNKI⁸.

Fig. 1. The number of publications on the keyword "soft power of culture" in the Chinese scientific network CNKI

Анализ публикационной активности с ключевым словом «мягкая сила культуры» демонстрирует тенденцию роста на протяжении восьми лет – в период с 2004 по 2012 гг. Максимальный пик количества публикаций по данной тематике приходится на период пребывания Ху Цзиньтао на посту генерального секретаря ЦК КПК, а данные по последующим годам (после избрания Си Цзиньпина) наглядно свидетельствуют о постепенном снижении количества академических публикаций, посвящённых «мягкой силе культуры». Это обусловлено тем, что с приходом Си Цзиньпина китайский политический нарратив наполнился множеством новых идей и смыслов. На внешнеполитическом треке на первое

⁷ Journal "Soft Power of Culture" [文化软实力] URL: <http://tougao.cszm.cn/index.php?c=content&a=show&id=14584> (accessed 10.12.2022) (In Chinese).

⁸ Отметим, что количественные показатели незначительно варьируются, однако общая тенденция сохраняется. Приведенные в диаграмме данные были релевантными на 29.03.2022 URL: <https://kns.cnki.net/kns8/defaultresult/index> (accessed 10.12.2022) (In Chinese).

место выходят инициативы «Нового шёлкового пути» и «Морского шёлкового пути XXI века», зарубежные страны приглашаются не только присоединиться к инициативе, но и принять участие в построении «сообщества единой судьбы человечества». В то же время руководство КНР говорит и о мечте «великого возрождения китайской нации». Именно для этой цели и начинает использоваться концепция «мягкой силы культуры» Китая, постепенно оттесняя на второй план внешнеполитический вектор её приложения.

На практике изменение вектора «мягкой силы культуры» Китая с внешнего на внутренний наглядно видно по тематике соответствующих публикаций. Так, с 2016 г. ключевое слово «мягкая сила культуры» всё чаще используется в темах, касающихся развития традиционной культуры, спорта, туризма, университетских кампусов, культуры предприятий, транспортной инфраструктуры, отдельных городов и регионов, т.е. во внутривнутриполитической повестке.

Доминирование внутривнутриполитической повестки обусловлено несколькими факторами. Во-первых, происходит осознания того, о чём пишут, например, И Сяомин и Хэ Лигуан. По их мнению, действие «мягкой силы культуры» вовне должно базироваться не только на внешнем проявлении «мягкой силы», но и подкрепляться внутренним содержанием: *«если вино хорошее, то его аромат проникнет и в самые глухие закоулки»* (Yi, He 2020: 3). Китай, активно продвигая традиционные ценности китайской культуры, облачённые в политический дискурс глобальных общечеловеческих ценностей, в стремлении к созданию положительного международного культурного имиджа сталкивается с проблемой транслируемого вовне качества содержания, которое на проверку оказалось не самым высоким.

Во-вторых, к малой привлекательности китайской культуры добавилась её очевидная отягощённость идеологическими и политически окрашенными факторами. Достаточно указать на то, что открытия Институтов Конфуция за рубежом сопровождалась визитами высокопоставленных государственных чиновников, включая членов Госсовета и самого председателя КНР, а одной из претензий к данной организации со стороны стран Запада является насаждение китайского взгляда на мир и ограничение академических свобод⁹.

После прихода к власти Си Цзиньпина происходит расстановка новых приоритетов в культурной политике Китая. Безусловным приоритетом становится внутреннее развитие, реализация китайской мечты, а культура в практике социалистического строительства становится важнейшим инструментом. Руководство Китая провозглашает концепцию «четырёх уверенностей»¹⁰, которая

⁹ China's Confucius Institutes and the Soft War. With the closing of Confucius Institutes, China may be heading for a "soft power" war with the West. *The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2015/07/chinas-confucius-institutes-and-the-soft-war/> html (accessed 10.12.2022)

¹⁰ Xi Jinping delivered an important speech at the celebration of the 95th anniversary of the founding of the Communist Party of China in Beijing [庆祝中国共产党成立95周年大会在京隆重举行 习近平发表重要讲话]. 2016. *CCP News Network*. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2016/0702/c64093-28517654.html> (accessed 10.12.2022) (In Chinese).

подразумевает формирование у народа Китая уверенности в пути социализма с китайской спецификой, уверенности в теории, строе и культуре. Впервые данная формулировка прозвучала в речи Си Цзиньпина на 95-й годовщине КПК в 2016 г. В то же время нельзя сказать, что концепция «четырёх уверенностей» была чем-то принципиально новым для китайского политического нарратива. Ещё в 2012 г. Ху Цзиньтао сформулировал концепцию «трёх уверенностей», куда вошли уверенность в пути, теории и строе социализма с китайской спецификой. Си Цзиньпин лишь расширил идею Ху Цзиньтао и добавил к «трём уверенностям» четвёртую – культуру. Уверенность в культуре в концепции Си Цзиньпина – это уверенность в передовой культуре социализма с китайской спецификой. «Уверенность в культуре – это ещё более базовая, более широкая, более глубокая уверенность. В ходе более чем 5000-летнего развития цивилизации возникла выдающаяся традиционная культура Китая, в ходе великой борьбы партии и народа возникли революционная культура и передовая социалистическая культура, в которых накоплены самые глубинные душевные стремления китайской нации и представлены духовные символы национальной китайской самобытности. Мы должны развивать ядерные социалистические ценности, развивать национальный дух, ядром которого выступает патриотизм, и дух эпохи, основой которого являются реформы и инновации, чтобы непрестанно укреплять духовную мощь всей партии, всей страны и всего народа»¹¹.

Можно констатировать, что Си Цзиньпин не только не отрицает наработки своего предшественника, но и умело их трансформирует, сообразно с насущными целями. С определённой долей уверенности можно утверждать, что внешнеполитический вектор «мягкой силы культуры» Китая перенаправляется вовнутрь, а культура, которая ещё недавно являлась важным драйвером «мягкой силы культуры» Китая на внешнем треке, переходит на внутренний трек и вписывается в концепцию «четырёх уверенностей», при этом сохраняя свою высокую значимость для китайского руководства. Китай диверсифицирует свой подход к использованию культуры в рамках концепции «мягкой силы», оставляя для внешнего вектора продвижение традиционной китайской культуры, а для внутреннего – революционной и передовой социалистической культуры, объективно понимая, что сфера применения последних двух составляющих культуры социализма с китайской спецификой ограничена внутренним рынком, что это не будет принято за рубежом (Zhang, Liu 2020: 86). Происходит отход от модели, когда китайское правительство в качестве главного инструмента «мягкой силы» рассматривало Институты Конфуция. Теперь же ставка делается не столько на них, сколько на работу с зарубежными СМИ, средства и возмож-

¹¹ Xi Jinping: Speech at the celebration of the 95th anniversary of the founding of the Communist Party of China (full text) [习近平：在庆祝中国共产党成立95周年大会上的讲话（全文）] 2016. *Baijiahao*. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1697091454230648708&wfr=spider&for=pc> (accessed 10.12.2022) (In Chinese).

ности дипломатии, коммерциализацию культурной продукции и другие модели экспорта «мягкой силы» (Xu, Xu 2021: 11).

Новый импульс к использованию культуры в качестве ресурса и инструмента «мягкой силы» на международной арене придаёт стратегия «двойной циркуляции», о которой было объявлено на сессии Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК в мае 2020 г.¹² Как отмечено в отечественных исследованиях, концепция «двойной циркуляции» «подразумевает смещение основного драйвера устойчивого роста Китая с глобальной интеграции к большей опоре на внутренний рынок» (Кулинцев 2021: 242). Вместе с тем в рамках концепции «двойной циркуляции» ключевое значение придаётся не только экономическим, но и культурным факторам развития, вплоть до того, что развитие индустрии культуры и культурной продукции должны стать факторами экономического роста. Так, на международные культурные обмены и сотрудничество возлагаются надежды успешного продвижения китайской культуры в мире, повышения совокупной мощи Китая, более успешного культурного экспорта и импорта (Zhang 2021:78). С другой стороны, подчёркивается, что новая конфигурация культурного обмена с другими странами «способствует одновременному наращиванию “мягкой силы культуры” и развитию жёсткой экономической силы. Культурные обмены с другими странами есть проявление важного канала “мягкой силы культуры”, который может помочь китайской культуре выйти вовне, укрепить знание и понимание Китая другими странами и народами, для того, чтобы мир ещё на шаг продвинулся в знании и понимании длительной китайской истории и стремительного развития современного Китая, чтобы добавить китайский культурный фактор в глобальную культуру и реконструировать образ Китая как государства восточной цивилизации» (Zhang 2021:79).

Чжан Яси предлагает следующие пути продвижения китайской культуры за рубежом в рамках концепции «двойной циркуляции»:

1) Необходимо провести качественное улучшение культурных ресурсов с учётом «потребностей рынка», чтобы продвигать более позитивные культурные продукты. Для реализации данного положения, во-первых, предполагается провести расширенные социологические опросы в различных странах, чтобы установить, к какой культурной продукции Китая есть интерес у потребителей из различных уголков мира. Во-вторых, планируется провести обновление традиционной китайской культуры, чтобы традиционные символы, понятия, концепции соответствовали времени и были вписаны в современный контекст, в том числе и через заимствование инокультурных компонентов. В-третьих,

¹² Hong Junjie. "Dual circulation" promotes each other and high-quality development can be expected [洪俊杰“双循环”相互促进，高质量发展可期]. 2020. *Renmin ribao*. 9 July. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2020/0709/c40531-31776604.html> (accessed 10.12.2022) (In Chinese).

предлагается провести упорядочивание и инвентаризацию культурных продуктов – экспортируемых и импортируемых.

2) Необходимо усилить популяризацию китайской культуры за рубежом, выстроить новую многомерную архитектуру зарубежной пропаганды. В рамках данного пункта говорится о необходимости расширения пропагандистской команды, которая не должна состоять только из правительственных и официальных СМИ. Необходимо привлекать силы предприятий и компаний, общества и отдельных личностей, чтобы выстроить команду по популяризации китайской культуры с широким охватом аудитории, многоязычным богатым и разнообразным контентом. Необходимо обновить способы пропаганды и искать в других странах компании и людей, горячо любящих Китай и китайскую культуру, чтобы они посредством телевидения, радио, блогов, коротких видео, социальных групп и групповых чатов, рекламы осуществляли всестороннюю популяризацию знаний о Китае. При этом необходимо учитывать различную информированность реципиентов, чтобы избежать ошибочного или неточного понимания подаваемой информации.

3) Необходимо углублять культурные обмены и контакты по линии инициативы «Пояса и пути» и привлекать к участию ещё больше субъектов. Во-первых, необходимо использовать многосторонние международные площадки для расширения культурных обменов за границей, расширять народную дипломатию, объединять двусторонние и многосторонние культурные обмены, уделять внимание и усиливать многосторонние контакты в области искусства, неустанно добиваться права быть организатором международных мероприятий и завоёвывать право голоса («дискурсивную силу»), активно принимать участие и самим проводить разнообразные крупномасштабные международные мероприятия, самостоятельно вывозить за рубеж коммерческие гастроли и выставки. Во-вторых, необходимо усилить возвращение субъектов рынка культуры. Всеми средствами способствовать тому, чтобы как можно больше компаний культурной индустрии и отдельных представителей принимали участие в конкурентной борьбе на международном рынке культуры. Необходимо стимулировать и поддерживать при помощи различных финансовых механизмов становление и продвижение перспективных культурных брендов и культурных организаций. В-третьих, необходимо, чтобы правительство стало организатором, а не командиром в культурном обмене и диалоге.

4) Необходимо способствовать интеграционному развитию индустрии культуры по модели «Культура +», чтобы ещё больше культурной продукции вышло за пределы Китая. Необходимо проводить интеграционное развитие всех отраслей экономики и развивать такие направления, как «Культура + туризм», «Культура + коммерция», «Культура + помощь нуждающимся», «Культура + предприятия», «Культура + интернет», «Культура + Big Data», «Культура + промышленность». Необходимо продвигать кластерное развитие индустрии

культуры и расширять производственные цепочки культурной продукции (Zhang 2021: 80-81).

Таким образом, в рамках стратегии «двойной циркуляции» культура как «мягкая сила» начинает использоваться Китаем на двух треках – внешнем и внутреннем. При этом на внешнем треке Китай переходит от использования моноинструмента (в частности, Институтов Конфуция) к многовекторной культурной экспансии, включающей в себя разнообразные каналы распространения информации, тщательный отбор экспортируемой информации и подбор информационного контента под конкретного потребителя. Китай не только не отказывается от применения культуры как инструмента «мягкой силы», но и стремится укрепить внешнюю культурную экспансию путём наращивания полинаправленного распространения китайской культуры в мире, поддерживаемого экономической и технологической экспансией. В то же время на внутреннем треке потенциал «мягкой силы культуры» прорабатывается на предмет повышения качества, богатства и разнообразия содержания, формирования национальной уверенности в своей культуре, которая выступала бы не только фактором сплочения нации, но и одним из драйверов экономического развития Китая и повышения его политической роли на международной арене.

В заключение следует подчеркнуть, что использование «мягкой силы культуры» политическим руководством Китая в формате активного её продвижения под явным патронажем государства далеко не всеми странами были воспринято с радостью и воодушевлением. Китай столкнулся с противодействием западных стран, которые начали ограничивать культурную экспансию Китая. Результатом ответа Китая на действия Запада стала переориентация вектора приложения «мягкой силы» на внутреннее развитие культурного потенциала китайского государства и наращивание ресурсного потенциала «мягкой силы». Повышение качества китайской культуры, формирование у населения Китая гордости за свою культуру рассматривается правительством в качестве условия наращивания совокупной мощи государства для усиления его привлекательности. Курс на внутреннее развитие культуры модифицирует использование культуры как инструмента влияния на внешнеполитической арене, что выражается в деполитизации программ распространения китайского языка и китайской культуры, диверсификации каналов распространения, а также видимой деполитизации деятельности используемых инструментов «мягкой силы». Вместе с тем «мягкая сила культуры» сопрягается с гораздо более жёсткой экономической и технологической внешней экспансией этой страны на основе стратегии «двойной циркуляции».

Об авторах:

Ольга Владимировна Зиневич — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета. 630073, г. Новосибирск, пр-т Карла Маркса, д. 20. E-mail: ozinevich@gmail.com

Наталья Викторовна Селезнева — кандидат филологических наук, доцент кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета. 630073, г. Новосибирск, пр-т Карла Маркса, д. 20. E-mail: xie-ling@yandex.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

UDC: 327.8, 37.035.4

Received: 19.05.2022

Accepted: 28.11.2022

China's New Soft Power Strategy

O.V. Zinevich, N.V. Selezneva

[DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-36-54](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-6-87-36-54)

Novosibirsk State Technical University

Abstract: The article focuses on the Chinese concept and strategy of using soft power to create an attractive image of the country. In the age of fierce competition for global/regional leadership, the concept of soft power has become the mainstream in China's foreign policy and was considered by Chinese politicians and experts as a tool to strengthen the influence through the introduction into the cultural space of other countries, the dissemination of language and cultural codes in order to create a positive image of China. The Western-based concept of soft power in China has been thoroughly analyzed and specified. Supported by a context-based approach, the article shows how, having previously criticized the concept of Joseph Nye, Chinese scientists and experts developed a specifically Chinese theory of soft power of culture (中国文化软实力), which was used in the foreign and domestic policy of the state and served as the basis for the observed changes in the strategy of using soft power. Based on the analysis of Chinese sources, the authors of the article conclude that at the beginning of the XXI century, the buildup of soft power through the creation of a network of Confucius Institutes was presented by China as a policy for mutual gain in the international arena. With the ascendance of Xi Jinping, the soft power of culture as a resource and tool of China's external influence is leaving the frontier of the political agenda. The foreign policy vector of the soft power of culture is redirected inward, and culture, which until recently openly acted as a driver of soft power in foreign policy, moves to the internal track and fits into the concept of "four self-confidences" and "double circulation", focusing on the qualitative component, while maintaining its high foreign policy significance for the Chinese policymakers.

Keywords: soft power, soft power of culture, China, double circulation

About the authors:

Olga V. Zinevich – Doctor of philosophy, Professor at Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University. K. Marx, 20, Novosibirsk, Russian Federation, 630073. E-mail: ozinevich@gmail.com

Natalia V. Selezneva – Candidate of Philology, Associate Professor at Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University. K. Marx, 20, Novosibirsk, Russian Federation, 630073. E-mail: xie-ling@yandex.ru

Conflict of interests:

Authors declare absence of conflict of interests.

References:

- Nye J.S. 2012. China and Soft Power: Kennedy School of Government, Harvard University, Cambridge, Massachusetts, USA. *South African Journal of International Affairs*. 19(2). P. 151-155.
- Lukes S. 2010. *Power: A Radical View*. Moscow: Published by Higher School of Economics. 240 p.
- Deng X. 2015. International Experience and China's Choice in Developing Cultural Soft Power [发展文化软实力的国际经验与中国选择]. China University of Political Science and Law Press. 279 p. (In Chinese).
- Han L. 2014. On Improving My Country's Cultural Soft Power [论提高我国文化软实力]. Central Party School. 149 p. (In Chinese).
- Jia H. 2011. The Composition and Evaluation Formula of Cultural Soft Power [文化软实力的构成及测评公式]. *Academic Research*. Vol. 3.P. 45-46. (In Chinese).
- Liu X. 2009. On the Promotion of Cultural Soft Power [文化软实力提升浅论]. Hunan People's Publishing House. 240 p. (In Chinese).
- Luo Y. 2009. The Development Strategy of My Country's Cultural Soft Power [我国文化软实力的发展战略]. *Marxist Studies*. Vol. 5. P. 79-87.
- Shu J. 2017. Review and Reflection on Chinese Cultural Soft Power Research [中国文化软实力研究的回顾与思考]. *Cultural Soft Power*. 2(2). P. 32-39. DOI: 10.19377/j.cnki.43-1531/g0.2017.02.006 (In Chinese).
- Wang H. 1993. Culture as National Power: Soft Power [作为国家实力的文化: 软实力]. *Fudan Journal (Social Science Edition)*. Vol. 3. P. 91-96. (In Chinese).
- Wei E., Zhang J. 2009. Some Understandings and Reflections on Cultural Soft Power [关于文化软实力的几点认识和思考]. *Theoretical Journal*. Vol. 3. P. 10-12. (In Chinese).
- Xu Y., Xu F. 2021. Research on the Concept, Essence and Constituent Elements of Cultural Soft Power [文化软实力的概念、实质及构成要素探究]. *Comparative Study of Cultural Innovation*. Vol. 10. P. 8-11. (In Chinese).
- Yang S. 2012. Three Levels of the Construction of China's International Cultural Soft Power at Present—From the Thought of Joseph Nye's Soft Power [当前中国国际文化软实力构建的三个层面——从约瑟夫·奈软实力思想谈起]. *Red Flag Manuscript*. Vol. 14. P. 23-25. (In Chinese).
- Yi X., He L. 2020. From the Outside to the Inside: the Focus of Cultural Soft Power Construction [从外在到内在: 文化软实力建设之重心转移]. *Journal of Henan Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition)*. 47(4). P. 1-7. DOI:10.16366/j.cnki.1000-2359.2020.04.001 (In Chinese).

Zhang G. 2015. *Outline of Chinese Cultural Soft Power Research* [中国文化软实力研究论纲]. Beijing: Social Science Literature Press. 196 p. (In Chinese).

Zhang G., Liu C. 2020. The Promotion of Cultural Soft Power in the Context of the New Era [新时代背景下的文化软实力提升]. *Research on Marxist Culture*. Vol. 9. P. 82-90. (In Chinese).

Zhang S. 2021. To Improve Cultural Soft Power, it is Necessary to Do a Good Job of "Both form and Spirit" [提高文化软实力，需做好“形神兼备”大文章]. *Qinghai party life*. Vol. 3. P. 30-33. (In Chinese).

Zhang Y. 2021 China's Foreign Cultural Exchanges and Cooperation under the New Development Pattern "Dual Circulation": Significance, Predicament and Advancement Path [“双循环”新发展格局下的中国对外文化交流与合作：意义、困境与推进路径]. *China development*. Vol. 21. P. 78-81. (In Chinese).

Borokh O.N., Lomanov A.V. 2012. Ot «myagkoi sily» k «kul'turnomu mogushchestvu» [From "Soft Power" to "Global Power"]. *Russia in Global Affairs*. 10(4). P. 54-67. (In Russian).

Denisov I.E. 2017. Vneshnyaya politika Kitaya pri Si Tszin'pine: preemstvennost' i novatorstvo [Chinese Foreign Policy under Xi Jinping: Continuity and Innovation]. *Outlines of Global Transformations*. 10(5). P. 83-98. (In Russian).

Kharkevich M.V. 2014. «Myagkaya sila»: politicheskoe ispol'zovanie nauchnoi kontseptsii [Soft Power: Political Use of Scientific Concept]. *MGIMO Review of International Relations*. 2(35). P. 22-29. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-2-35-22-29 (In Russian).

Kulintsev Y.V. 2021. Strategiya «dvoinoi tsirkulyatsii» i ee vliyanie na rossiisko-kitaiskie otnosheniya [“Dual Circulation” Strategy and its Influence on Russian-Chinese Relations]. *China in World and Regional Politics (History and Modernity)*. Issue XXVI. IFES RAS. 463 p.

Kuznetsov D.V. 2021. «Ostraya sila» v sovremennom politicheskom diskurse stran Zapada i vneshnyaya politika Rossii i Kitaya [“Sharp Power”: in the Modern Political Discourse of Western Countries and the Foreign Policy of Russia and China]. *Far Eastern Affairs*. № 3. P. 145-159. DOI: 10.31857/S013128120015384-3 (In Russian).

Lebedeva M.M. 2017. «Myagkaya sila»: ponyatie i podkhody. [Soft Power: The Concept and Approaches] *MGIMO Review of International Relations*. 3(54). P. 212-223. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223 (In Russian).

Nye J.S. 2013. *Budushchee vlasti* [The Future of Power]. Moscow. 444 p.

Tarabarko K.A. 2016. «Myagkaya sila kul'tury»: evolyutsiya kontseptsii v trudakh kitaiskikh uchenykh. [“Soft Power” of Culture: Evolution of the Conception in the Works of Chinese Scientists]. *Historical, philosophy, political and law sciences, culturology and art. Questions of theory and practice*. 7(69). Ch. 2. P. 181-184. (In Russian).

Yudin N.V. 2015. Sistemnoe prochtenie fenomena myagkoi sily [A Systemic Approach to “Soft Power”]. *International Trends*. 13(2(41)). P. 96-105. DOI: 10.17994/IT.2015.13.2.41.7 (In Russian).

Yudin N.V. 2018. Diskussiya ob obrazakh sily v teorii mezhdunarodnykh otnoshenii (porot ne tuda?) [Facts of Power Debate in International Relation Theory (A Wrong Turn?)]. *International Trends*. 16(3(54)). P. 84-99. DOI: 10.17994/IT.2018.16.3.54.4 (In Russian).

Zhuravleva E.V. 2016. Stratagema krasotki: teorii «myagkoi sily» s kitaiskoi spetsifikoi [The Beauty Trap: Chinese Theories of “Soft Power”]. *Vestnik RUDN. International Relations*. 16(1). P. 17-31. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Борох О.Н., Ломанов А.В. 2012. От «мягкой силы» к «культурному могуществу». *Россия в глобальной политике*. 10(4). С. 54-67.

Денисов И.Е. 2017. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 10(5). С. 83-98.

Журавлева Е.В. 2016. Стратегия красоты: теории «мягкой силы» с китайской спецификой. *Вестник РУДН. Серия «Международные отношения»*. (16)1. С. 17-31.

Кузнецов Д.В. 2021. «Острая сила» в современном политическом дискурсе стран Запада и внешняя политика России и Китая. *Проблемы Дальнего Востока*. №3. С. 145-159. DOI: 10.31857/S013128120015384-3

Кулинцев Ю.В. 2021. Стратегия «двойной циркуляции» и ее влияние на российско-китайские отношения. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. №26. С. 242-255.

Лебедева М.М. 2017. «Мягкая сила»: понятие и подходы. *Вестник МГИМО-Университета*. 3(54). С. 212-223. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223

Льюкс С. 2010. *Власть: радикальный взгляд*. Москва: Издательский дом ВШЭ. 240 с.

Най Дж. С. 2013. *Будущее власти*. Москва: АСТ. 444 с.

Тарабарко К.А. 2016. «Мягкая сила культуры»: эволюция концепции в трудах китайских ученых. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 7(69). Ч. 2. С. 181-184.

Харкевич М.В. 2014. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции. *Вестник МГИМО-Университета*. 2(35). С. 22-29. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-2-35-22-29

Юдин Н.В. 2018. Дискуссия об образах силы в теории международных отношений (поворот не туда?). *Международные процессы*. 16(3(54)). С. 84-99. DOI: 10.17994/IT.2018.16.3.54.4

Юдин Н.В. 2015. Системное прочтение феномена «мягкой силы». *Международные процессы*. 13(2(41)). С. 96-105. DOI: 10.17994/IT.2015.13.2.41.7